

ВАДИМ ПАНОВ

**Поводыри
на распутье**

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Разработка серийного оформления *М. Коняевой*
Оформление обложки *А. Ивановой*

Панов, Вадим Юрьевич.
П16 Поводыри на распутье / Вадим Панов. — Москва :
Эксмо, 2020. — 480 с.
ISBN 978-5-04-107855-3

Когда-то Москва была столицей великой страны, потом она стала Анклавом, одним из многих. Теперь ее тайны могут спасти прижатый к стенке мир. Мир, в котором властвует Цифра, нанотехнологии и генная инженерия позволяют добиваться невероятных результатов, а могущественные корпорации соперничают с одряхлевшими государствами. Мир, который отчаянно пытается найти дорогу в будущее. Мир, в котором борьба за власть достигла апогея.

Похищение Петры Кронцл, внучки влиятельного владельца одной из корпораций, подрывает дипломатические отношения между Москвой и Цюрихом, где находятся штабы межанклавных организаций. Президент СБА Ник Моратти разрабатывает план, чтобы подставить доктора Кауфмана и спровоцировать массовые беспорядки. Но последний не так прост, да и в Москве есть проблема пострашнее массовых беспорядков...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Панов В. Ю., 2020
ISBN 978-5-04-107855-3 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ ГОНЧИЙ ПЕС

Ветер бил в лицо. Настоящий морской ветер, злой и колючий, похожий на беспощадную акулу с отточенными, холодными зубами. Его укусы превращали кожу в бесчувственный пергамент, на котором периодически, когда поток приносил с собой острые льдинки, появлялись кровавые письмена. Пилоты «водомерок» обязательно надевали пластиковые маски, но Петр всегда ограничивался шлемом и очками. Оставлял лицо открытым. Петру нравилась злость ершистого ветра, нравилось ощущать, как теряет чувствительность кожа и то, как потом, в тепле, она оживает, обиженно огрызаясь едкими уколами. Однажды Петр потерял осторожность и едва не обморозил щеки. Их спасла чудо-мазь Боцмана, старого служаки, заведующего техникой на водно-моторной станции ЦСКА¹. Но даже этот случай не заставил Петра изменить себе. Он продолжал носиться по Финскому заливу без маски и возвращался на станцию с задубевшим лицом и свежими порезами — лобовое стекло «водомерки» слишком мало, чтобы уберечь пилота от миллиарда льдинок залива. Тем более — такого пилота.

— Я лечу! — Петр привстал в седле, подставив лицо встречному ветру. — Я лечу!!

¹ ЦСКА (аббр.) — Центральный спортивный клуб армии, спортивное общество Вооруженных сил Российской Федерации. Значения некоторых других слов и выражений (в том числе сленговых) вы можете узнать в словаре. (Прим. редактора).

И счастливо захохотал. И заложил крутой вираж, специально врезавшись левым крылом в довольно высокую волну. Добавил газу, взлетел над черной водой, на мгновение завис в воздухе и стрелой рванул дальше, в залив.

— Я лечу!!!

«Водомерки», одно из последних изобретений «Ямахи», весьма приглянулись любителям острых ощущений. Официальное и довольно длинное название машины, в котором присутствовало много ученых слов вроде «гидропланирование», «форсированный», «амфибийный», никто не помнил. В Америке и Европе ее называли универсальным скутером, в России же приклеили кличку «водомерка». Яхт-клубы Питера закупили огромное количество новых игрушек, и весь сезон столичный свет наперегонки носился по заливу. Петру, не имеющему родственников ни среди правительственных бонз, ни среди нефтяных баронов, летом удалось покататься всего пару раз. Мало, но вполне достаточно, чтобы навсегда влюбиться в эту машину. Зато осенью, когда детишки могущественных людей улетели в теплые края, а сами бонзы предпочитали сауны и бассейны с подогретой морской водой, весь парк армейской станции оказался в распоряжении Петра. Вот тогда-то он по-настоящему оценил уникальные возможности «водомерок», которые с равным успехом могли мчаться и по воде, и по льду, даря пилоту незабываемые ощущения.

— Держись! — крикнул Петр непонятно кому: то ли себе, то ли машине. — Держись!!

Он разогнался до максимальной скорости, бессвязно проорал еще несколько слов, а затем стиснул зубы и напрягся, не сводя глаз с болтающегося на воде трамплина.

— А-а!!!

«Водомерка» взмыла в воздух. Мгновения полета, мгновения невесомости, мгновения упоения...

И брызги холодной воды в лицо. Черной воды залива.

Как всегда после прыжка, машина клюнула носом, но Петр уверенно вывел ее в нормальное положение, сбросил газ и посмотрел на приборную панель. Семьдесят два метра — новый рекорд!

И тридцатичетырехлетний Петр, опытный, циничный и жесткий мужчина, рассмеялся. Весело, как мальчишка.

На этот раз Петр катался два часа, на тридцать минут больше обычного. Уже завтра ему предстояло отправиться в длительную командировку, и он не мог заставить себя оторваться от «водомерки» и вернуться на берег. Поворачивал, пролетал несколько десятков метров и вновь уносился в залив, вновь штурмовал волны и прыгал через невысокие торосы. Но время неумолимо, и, когда показатель уровня топлива стал красным — бензина оставалось всего на десять минут, — Петр направил машину к станции. Выскочил на укатанный лед — солдаты срочной службы чистили его ежедневно, — сбросил скорость, и «водомерка» медленно заскользила к пирсу, на котором появилась приземистая фигура Боцмана.

Ожил закрепленный в шлеме передатчик.

— Как покатался?

— Отлично!

Но рукой Петр махнул вяло. Настроение, еще несколько минут назад блестящее, куда-то ушло, растворилось, уступив место неприятной, раздражающей тоске.

«Ну, уезжаю, ну, несколько месяцев вдали от моря, ну и что?»

Тоска родила еще менее понятное беспокойство, неуверенность в себе. «Водомерка» хоть и медленно, но накатывалась на пирс, пора было выключать двигатель и бросать Боцману лить, однако Петр не спешил.

— Заснул, что ли?

— Сейчас, сейчас...

Петр попытался скроить на задубевших губах подобие улыбки, снова махнул рукой, показывая, что все в порядке... и замер, увидев вышедшего на пирс человека.

Незнакомец был мал ростом, даже ниже, чем приземистый Боцман, узок в плечах и на первый взгляд выглядел совершенно безобидно. На первый взгляд. Или на неопытный взгляд. Но мягкая походка невысокого, плавная и в то же время быстрая, сказала Петру очень много — по пирсу двигался боец. Классный боец. Когда же незнакомец подошел ближе, последние сомнения рассеялись: темная одежда ловко подогнана и не стесняет движений, за спиной небольшой рюкзак, на лице — маска.

Петр так и не понял, что заставило его отложить льня. Он положил руки на руль и поинтересовался:

— Кто это?

— Где? — Боцман обернулся.

До пирса оставалось метров пять. Двигатель едва слышно урчал. А Петр... Петр разрывался между здравым смыслом, который ехидно и метко обрисовал ему идиотизм ситуации — чего запаниковал, мало ли кто приехал на станцию, и унылой тоской, что обрушилась на него несколько минут назад.

Просто тоска или предчувствие беды?

— Ты кто такой? — поинтересовался Боцман, смерив приближающегося незнакомца тяжелым взглядом. — Пропуск покажи.

Невысокий не ответил. Не остановился. Продолжал идти, как шел. И не сводил глаз с Петра. Петр не видел, не мог видеть этот взгляд, но готов был поклясться, что незнакомец смотрит прямо на него.

И надавил «малый назад». «Водомерка» сначала замерла, прекратив накатываться на пирс, а затем потихоньку стала сдавать к заливу.

— Язык проглотил?

Массивный Боцман преградил незнакомцу дорогу. На мгновение — всего на мгновение! — перекрыв Петру обзор. А затем послышалось громкое: «Ой!», и старик, перелетев через ограждение, ухнул на лед. Как кукла. Как ребенок. А ведь в нем весу килограмм сто двадцать! И силы еще оставались!

Больше Петр не сомневался.

Полный назад. Самый полный назад! Двигатель взревел, и «водомерка» резко отошла от пирса. Невысокого ситуация не смутила. Он резко ускорился, спрыгнул на лед и бросился за уходящей машиной. И еще незнакомец не поскользнулся, он бежал по льду, словно по идеальной дорожке олимпийского стадиона.

Он бежал к Петру.

«Что за псих?!»

Петр развернул «водомерку» и прибавил скорость. Посмотрим, как тебе понравится бежать за стремительно набирающей ход машиной, но... обернувшись, Петр увидел, что невысокий продолжает преследование.

Это было нереально. Нереально! «Водомерка» шла со скоростью пятьдесят километров в час!

Шестьдесят.

Невысокий не отставал.

Семьдесят!

Преследователя это не смутило.

Это было похоже на страшный сон. На кошмар.

У Петра задрожали губы.

«Что происходит?!»

Тоска уступила место страху. Невнятная тоска — липкому, животному страху. Невысокий пришел за ним. Нет никаких сомнений, что невысокий пришел за ним. Но почему?

Мысли путались, наскакивали одна на другую, рассыпались под натиском одной-единственной: «Он меня убьет!!» А вот инстинкты не подвели: Петр продолжал прибавлять скорость, надеясь, что рано или поздно ужасное преследование прекратится.

Сто километров в час! Сто! Сто!!

А дистанция между «водомеркой» и незнакомцем не изменяется! Или сокращается? Сокращается?!!

Обернувшийся Петр пропустил момент перехода на чистую воду, и неожиданный толчок едва не вышиб его из седла. Машина, оставляя за собой пенный след и тучу брызг, заскользила дальше, а пилот, едва переведя дух, снова обернулся: если бы невысокий продолжил бег и по воде, Петр сошел бы с ума. К счастью, незнакомец, несмотря на выдающиеся способности к легкой атлетике, нарушать физические законы не умел. Остановился у кромки.

— Съел, да? Съел?!

Отведя машину метров на пятьдесят, Петр сбросил скорость и развернулся. Инстинкт подсказывал: «Беги, беги как можно дальше!», но он не мог покинуть поле боя вот так,

трусливо, не попытавшись разглядеть странного преследователя с безопасного расстояния.

— Обломался? — усмехнулся Петр. — Не достал? Урод! Он вскинул руку и поприветствовал невысокого неприличным жестом.

И слишком поздно понял, что тот в свою очередь тоже сделал жест. Нет, не жест — движение. Плавное, отточенное движение.

Посланный нож вонзился именно в то место, в которое был направлен — в глаз Петра. А следом прилетела граната. Едва Петр упал с седла, как металлический шар, брошенный с невозможной точностью, разнес «водомерку» на куски.

ПРОЛОГ

**ТЕРРИТОРИЯ: КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
ОКРЕСТНОСТИ ПЕКИНА
ХОЧЕШЬ ДОГОВОРИТЬСЯ С ТИГРОМ —
ГОТОВЬСЯ ВИЛЯТЬ ХВОСТОМ**

Бурные годы двадцать первого века не сильно изменили столицу Поднебесной. В деловом центре появился взвод новых небоскребов, преобразились некоторые государственные здания — министерства воздвигли современные комплексы, в паре районов выросли двух-трехуровневые улицы. Выросли, но не прижились и по всему городу не расползлись — не требовалось. Власти самого населенного государства мира жестко контролировали число жителей Пекина, не допуская превышения определенного давным-давно лимита. Пекин — не Шанхай и не Гонконг, это столица, город Императора, город Председателя, центр управления огромной державой, и поднебесники не собирались превращать его в мегаполис. Не желала меняться столица, лишь чуть-чуть прогибалась под новомодные архитектурные течения, сохраняя верность древним традициям. И подобное отношение к наследию предков грело душу миллиардам подданных Председателя, свято верящих в то, что только варвары способны плюнуть на свое прошлое.

Впрочем... так оно и есть на самом деле.

А потому самый значительный отпечаток век двадцать первый оставил не в городе, а за его пределами, километрах в десяти за чертой, где вырос суперсовременный транспортный узел имени Дэн Сяопина. С полосами, способными принимать и сверхзвуковые самолеты, и шаттлы с орбиты; с причалами для дирижаблей — высоченными башнями с грузовыми и пассажирскими площадками; с де-

сятками подъездных путей: с автомобильными дорогами, веткой метро, монорельсом и железнодорожным вокзалом. Главные ворота китайской столицы ничем не отличались от лучших транспортных узлов Анклавов, а по некоторым параметрам даже превосходили их. И вот здесь не было места традициям.

Впрочем, оценить достоинства самого продвинутого района Пекина Урзак не успел. Да и не стал бы оценивать, если честно: что он, гигантских вокзалов не видел, что ли? Видел. И не один раз. И никогда они не привлекали его внимания. Таращиться на чудеса современной техники — удел фермеров из тибетских провинций, прилипающих носами к стеклу при виде серебристых самолетов. А для городских жителей крылатые машины не диво — средство передвижения.

«Страт», прибывший в Пекин из Анклава Цюрих, проделал все предписанные маневры и остановился на указанном диспетчером месте. Пассажиры первого класса — других в самолете не было, ибо путешествие через стратосферу — удовольствие для состоятельных, чинно завозились, собираясь на выход, но куколки-стюардессы забежали, засуетились и попросили не спешить, несмотря на то что мобильный зал, которому предстояло перевезти господ к зданию аэровокзала, уже замер неподалеку от левого крыла. На вопросы «Почему?» отвечали вежливыми улыбками и таинственно поглядывали на Урзака. На высокого человека в черной одежде, идущего, тяжело опираясь на трость, по широкому проходу между сиденьями. Старомодный фасон костюма, старомодный галстук со старомодным узлом, старомодная деревянная трость с вырезанным в виде змеиной головы набалдашником. Во время полета на него не обращали внимания, зато теперь взгляды пассажиров не отрывались от сухопарой фигуры.

От человека, для которого к «страту» подали отдельный трап.

Урзак в гордом одиночестве вышел из самолета, несколько мгновений постоял на бетоне полосы, словно здраваясь

с окружающим миром, и после этого уселся на заднее сиденье подкатившего к самым ступенькам трапа роскошного «Мерседеса Мао». Разумеется, ни о каком пограничном контроле, с проверкой «балалайки» и обязательным просвечиванием наноскопом, и речи не шло — он прибыл в страну по приглашению ЦК КПК, и этим все сказано. А продолжающие оставаться в самолете верхолазы прилипли к иллюминаторам, стараясь понять, что за шишка летела вместе с ними.

Но на их удивление Урзаку было плевать.

И на тех, кто его встречал, ему тоже было плевать.

А встречающие, в свою очередь, сразу же это поняли. Хорошие слуги чувствуют человека годами наработанным чутьем, определяют, с кем можно поговорить, с кем следует только поздороваться, а к кому лучше не лезть. К этому варвару приставать не следовало.

Распахнули заднюю дверцу лимузина, молча склонились в почтительном поклоне, а после отвезли к вертолету, внутреннее убранство которого могло удовлетворить капризы любого верхолаза. Урзак спросил воды с лимоном, уселся в кресло у окна и до конца полета не отрывал взгляд от проносящегося под вертолетным пузом пейзажа. Сначала бездумно разглядывал бетонные коробки транспортного узла, затем сдавливающие его дороги, а после — раскинувшийся лес. Вертолет уходил прочь от Пекина, в заповедную зону, в которой строили дома избранные чиновники Народной республики. Изредка среди деревьев проглядывали крыши роскошных вилл, но ни над одной из них вертолет не пролетел.

Минут через десять после исчезновения последней постройки вертолет начал снижение, устремившись к небольшому одноэтажному домику, выстроенному в классическом китайском стиле. И вот тут Урзак впервые с момента прилета в Поднебесную сбросил маску безразличия. Он оставил бокал с водой, быстро, но ОЧЕНЬ внимательно оглядел строение, прикрыл глаза и...

Со стороны могло показаться, что Урзак молится. Или шепчет заклинание. Но о каких заклинаниях можно говорить в век нанотехнологий и космического туризма? С другой сто-

роны, зачем ему молиться? Да и не производил он впечатление верующего человека. Тем не менее что-то шептал. Долго шептал, почти минуту, и закончил молитву-заклинание пассом левой рукой.

Но сопровождавший высокого гостя китаец отнесся к поведению гостя спокойно. Так, словно все значительные люди, которых ему доводилось привозить в этот глухой уголок, действовали точно так же. А значительных людей молчаливый сопровождающий повидал немало и помнил, что почти все они при виде скромного домика начинали нервничать. Нынешний же гость, как отметил китаец, просто проявлял разумную предосторожность. Страх в нем не было.

Совсем не было.

Покинув вертолет, Урзак медленно, нарочито тяжело опираясь на трость, направился к дому. Неспешное движение не только помогло ему показать хозяину, что он не торопится на встречу, но и оглядеться. И заметить маленький листок на кустике, едва заметно трепещущий при полном отсутствии ветра; камешек, поверхность которого пульсировала, словно живая; комарика, вьющегося чуть позади. Вьющегося, но не кусающего. Человек, искушенный в современных системах безопасности, сказал бы, что Урзак заметил заурядные датчики. В мире нанотехнологий не сложно создать подобные устройства. Но человек понимающий, человек, достигший в своем совершенстве уровня Урзака, видел глубже, и не укрылась бы от него истина: ни в листке, ни в камушке, ни в моските нанов нет.

Их наполняла иная сила.

Внутри дома Урзак прошел в одиночестве. Безошибочно обнаружил комнату, подготовленную для чайной церемонии, без приглашения опустился в кресло, поставив трость рядом, и спокойно посмотрел в глаза сидящего напротив старого китайца.

— Рад, что вы согласились встретиться со мной, уважаемый Урзак. Надеюсь, путь ваш не был слишком долгим?

— Я скоротал его размышлениями.

— Достойное времяпрепровождение.

Оспаривать это заявление путешественник не стал. Улыбнулся. И, продолжая светский разговор, сообщил:

— У вас хороший дом, уважаемый Ляо, надежный.

— Здесь бывают разные гости, — несколько неопределенно ответил старик.

По комнате разнесся аромат чая. Прислужников не было — хозяин сам ухаживал за гостем.

Урзак поднес к губам чашку тончайшего, едва ли не прозрачного фарфора. Сделал глоток.

— Я бы предпочел, чтобы меня называли Хасимом. Мое имя — Хасим Банум.

Китаец тонко улыбнулся:

— Оставьте его для шейхов. В отличие от них я знаю ваше имя.

— И все-таки, прошу вас — Хасим. Тем более настоящее мое имя неизвестно ни вам, ни шейхам.

— Вы осторожны.

— Не более вас.

Урзак протянул руку ладонью вверх, и на скрывающую кисть перчатку послушно уселся давешний москит. Замер, дернулся и рассыпался в щепотку пыли.

Поднебесник остался невозмутим.

— О чем вы хотели поговорить? — выдержав короткую паузу, поинтересовался Урзак.

— Как обычно — о врагах.

— О своих врагах?

— О наших общих врагах, — уточнил Ляо.

— Они у нас есть?

— Чудовище, — коротко ответил китаец.

Глаза Урзака и цветом, и холодом напоминали блеклый лед. Выдержать его взгляд получалось не у каждого, но Ляо, судя по всему, в твердости не уступал алмазу. С минуту в комнате царила тишина, а затем Урзак вновь пригубил чай и покачал головой:

— Вы шутите.

— Увы, уважаемый Хасим, не шучу.

— Чудовища не существует.

— Много лет назад вы уже говорили об этом.

— И повторю снова!

— Совсем недавно я видел его тень!

— Лично?

— На видео.

— Не доказательство, — покачал головой Банум. — С помощью современных средств можно нарисовать что угодно.

— Я уверен...

— Я был в Храме! — тихо, но очень твердо произнес Урзак. — Я. Был. И никто...

Внезапно он замолчал. Оборвал фразу на полуслове и перевел взгляд на скрытые под черными кожаными перчатками кисти рук. На одно, едва уловимое мгновение Урзак позволил эмоциям взять верх, и на его лице отразилось... сомнение? Внимательный Ляо успел увидеть странное выражение. И дорого бы дал, чтобы узнать, какая мысль пришла в голову гостя.

— Никто, — повторил Урзак.

Но в голосе его уже не было той уверенности, с какой он начал разговор. И фразу, оборванную на полуслове, он не продолжил.

— Никто.

— Мне доводилось встречаться с Чудовищем много лет назад, — мягко напомнил китаец.

— Ваш рассказ о том событии был краток и не вызывал доверия, — буркнул Урзак.

— В те годы мы не слишком доверяли друг другу.

— Теперь мы доверяем еще меньше.

— Это так. — Ляо согласно кивнул. — Но все усложнилось. Одному мне не справиться. И как бы вы, уважаемый Хасим, ни относились ко мне лично и к моей Традиции, вы понимаете, что должны помочь.

— Я никому ничего не должен, — угрюмо возразил Урзак. — Я рассчитался со всеми долгами задолго до твоего рождения, старик.

— Получается, что не со всеми.

— Пока ничего не получается, — отрезал Урзак. — Моя Традиция мертва. Последний ее Храм разрушен. — И быстрый взгляд на перчатки... — Я перебил Гончих Псов

и умертвил Читающих Время. Умирая, они проклинали меня, если тебе интересна эта подробность, старик. Но их слова не имели силы, потому что я не осквернил Традицию, а сделал Выбор. Потому что другой путь вел во Тьму.

— Я верю вам, Хасим, — вздохнул Ляо. — Но совсем недавно я видел Гончего Пса, ставшего тенью Чудовища. А много лет назад видел само Чудовище. Потом оно исчезло, спряталось, но тень снова появилась. Я думаю, Чудовище рискнуло высунуться, поскольку что-то замыслило.

— Что? — не выдержал Банум.

— Если оно до сих пор живо, если не сошло с ума на развалинах последнего Храма, не покончило с собой, значит, оно видит Путь. Вот моя логика, уважаемый Хасим.

— Все, кто был в Последнем Храме, мертвы, — глухо проронил Урзак.

— А те, кто не был?

— В тот день там собрались все.

Но отсутствовала в голосе Банума стопроцентная убежденность. Отсутствовала. И Ляо, понявший, что сумел проломить стену недоверия, бросил в бой последний козырь:

— У меня есть руны, уважаемый Хасим, настоящие руны... Только не спрашивайте, где я их взял.

— И что?

— Возьмите. — Китаец выложил на столик несколько косяшек. — Возьмите.

— Если это проверка, то я готов подтвердить твою догадку: я не чувствую, — тихо произнес Урзак. — Но это не поможет тебе справиться со мной.

Правая рука гостя сжалась в кулак.

— Это не проверка, — так же негромко ответил китаец. — Но теперь я понимаю, почему вы не знали о появлении Чудовища. И окончательно убедился в том, что не ведете двойную игру. — Ляо осторожно взял руны в ладонь, выдержал короткую паузу и закончил: — Руны теплые. Они снова ожили.

На этот раз Урзак молчал долго. Вертел ручку трости, поворачивая ее то вправо, то влево, словно заставляя змею изучать окрестности, иногда беззвучно шептал что-